

енной кампании. Спешенный Наполеон в рассказе генерала — это нарочито сниженный образ военного вождя-триумфатора, «всадника, Папою венчанного»,¹⁹ «всадника, пред кем склонились цари».²⁰ Наполеон сходит с лошади на землю еще и для того, чтобы сблизиться и сравняться с Иволгиным, который рассказывает об этом, будучи сам уже долгое время «не на коне».

В самом рассказе генерала Иволгина о 1812 году запечатлелись не только следы его прежней военной службы, но и настоящее его состояние души, оскорбленной непониманием родных и друзей. Еще Д. Мартинсен заметила, что «Иволгин врет, чтобы вытеснить чувство вины и/или стыда, связанное с его собственной биографией».²¹ Говоря об искреннем стремлении императора Наполеона помириться с императором Александром, генерал Иволгин, надо полагать, завуалированно имеет в виду и свои собственные неудачи в примирении с Лебедевым: «...я уже и понимал, что причина его (Наполеона. — Н. П.) страданий — молчание императора Александра. (...) „Попросите, попросите прощения у императора Александра!“ — закричал я ему. То есть мне надо бы было выразиться: „Помиритесь с императором Александром“, но как ребенок, я наивно высказал всю мою мысль» (8, 414).

К концу рассказа генерала «сращение» образа юного камер-пажа с образом императора Наполеона достигает своей высшей точки: Ардалион Иволгин, убежденный в прочном соединении своей судьбы с судьбой Наполеона, мысленно готовился принять наполеоновскую участь — разделить «знойный остров заточенья» и весьма сожалел, что не смог этого сделать: «но увы! судьбы наши разделились!» (8, 417). Показателен и прощальный совет Наполеона, который он черкнул в альбом для трехлетней сестры своего десятилетнего камер-пажа:

«Ne mentez jamais!

*Napoléon, votre ami sincère».*²²

Понятно, что и эти «наполеоновские слова» были обращены рассказчиком к самому себе.

Разговор Иволгина с Мышкиным о Наполеоне, который, по убеждению генерала, должен был стать «часом окончательной судьбы» его (8, 404), действительно имел самые серьезные для него последствия. Душа Иволгина после беседы с князем окончательно вжилась в любимый ею образ. Покидая дом Птицына, генерал по-прежнему бредил наполеоновской темой, три раза повторяя Коле одни и те же слова: «le roi de Rome», являющиеся одними из последних его слов перед «ударом»:

«— Le roi de Rome... — прошептал генерал, тоже как будто весь дрожа.

— Чего?.. Да какой вам дался le roi de Rome?.. Что?

— Я... я... — зашептал опять генерал, всё крепче и крепче цепляясь за плечо „своего мальчика“, — я... хочу... я тебе... всё, Марья, Марья... Петровна Су-су-су...

Коля вырвался, схватил сам генерала за плечи и как помешанный смотрел на него. Старик побагровел, губы его посинели, мелкие судороги пробежали еще по лицу. Вдруг он склонился и начал тихо падать на руку Коли» (8, 419—420).

¹⁹ Пушкин А. С. Евгений Онегин: Роман в стихах // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1978. Т. 5. С. 181.

²⁰ Пушкин А. С. «Недвижный страж дремал на царственном пороге...» // Там же. Т. 2. С. 159.

²¹ См.: Меерсон О. Христос или «Князь-Христос»? Свидетельство генерала Иволгина // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. Сборник работ отечественных и зарубежных ученых под редакцией Т. А. Касаткиной. М., 2001. С. 42.

²² «Никогда не лгите! Наполеон, ваш искренний друг» (фр.).